

Павлова А. В. (Майнц, Германия)

**РОЛЬ ДИСКУРС-АНАЛИЗА ДЛЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ
И ДЛЯ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА**

Исходя из двойственной трактовки дискурса – как текстового пространства и как множества текстов, объединённых на основании определённого критерия, – автор статьи обращается к дискурс-анализу как к части переводческой деятельности и как к исследовательской деятельности лингвиста.

В переводческой деятельности дискурс-анализ представляет собой выход за рамки переводимого текста, рассмотрение его связей с другими текстами. Автор доказывает, что переводится в действительности не текст, а дискурс, то есть текст как элемент на пересечении множества континуумов других текстов, связанных с данным. В понятие дискурса включается совокупность всевозможных знаний переводчика о социальном, историческом и культурном фоне, на котором возник оригинал: язык тела, мимика, фотографии, театр, кино, реклама, живопись, архитектура, музыка, балет, опера и т.п. Понятие интертекстуальности рассматривается как влияние дискурса на понимание.

Дискурс-анализ в лингвистике также весьма полезен для практической деятельности переводчика. Автор обращает внимание на исследование «ключевых слов» различных дискурсов, семантической дифференциации синонимов, на лексикографические аспекты и др.

Ключевые слова: дискурс, дискурс-анализ, текст, лексикография, перевод

A. PAVLOVA (MAINZ, GERMANY). DISCOURSE ANALYSIS FOR DEFINING TRANSLATION STRATEGIES AND TRANSLATION QUALITY. The starting point of the paper is the dual understanding of discourse as a textual entity and as a set of texts united by a certain criterion. The author utilizes discourse analysis as a tool for translation and for linguistic research.

Discourse analysis allows the translator to step out of the text frame and to look at its connections with other texts. The author claims that it is not text but discourse that is translated. The text itself is an element found at the intersection of other texts connected to the given one. The concept of discourse incorporates the array of all

kinds of knowledge about social, historic and cultural background of the original text, and that includes body language, facial expressions, photos, theater, cinema, advertisement, fine art, architecture, music, ballet, opera, etc. The concept of intertext is used to explain how discourse influences the understanding of the text.

In linguistics, discourse analysis can also be a helpful tool for the translator. The author focuses on the use of “key words” in various discourses, semantic differentiation of synonyms and lexicographical description of words.

Keywords: discourse, discourse analysis, lexicography, text, translation

Под «дискурсом» в философии, литературоведении, лингвистике и переводоведении с самого начала активного употребления этого термина стали понимать различные явления. Трактовок «дискурса» так много, что в работах, касающихся дискурсивного анализа (дискурс-анализа), стало принято начинать рассуждения с определения того, что данный автор понимает под дискурсом. Этой участи никак не избежать и автору данной статьи.

Здесь под дискурсом понимаются две сущности, тесно связанные друг с другом. С одной стороны, дискурсом именуется текст как элемент множества других текстов, то есть как часть текстового пространства, составляемого самыми разными группами текстов, включая данный. Определённый текст А может быть одновременно связан с текстами группы {А, В, ...}, посвящёнными биографии автора текста А; с текстами группы {А, С ...}, посвященными той же теме, что и текст А; с текстами группы {А, D...}, объединёнными на основании принадлежности к одной эстетической или философской школе, и т. д. Текст во всем многообразии его связей с другими текстами, то есть как открытый разомкнутый элемент множества себе подобных, представляет собой «дискурс». Основания объединения текстов в единый континуум могут быть самые разные. С другой стороны, термином «дискурс» обозначается сам этот континуум, то есть любое из упомянутых здесь множеств текстов, объединённых в данное множество на основании определенного критерия.

Тема этой статьи – дискурс-анализ в связи с проблемами перевода. Анализ дискурса может производиться разными субъектами. С одной стороны, он является элементом

обязательного набора операций, входящих в переводческую деятельность. Субъектом дискурс-анализа является сам переводчик. В задачи переводчика входит, в частности, выявление разнообразных связей текста с другими текстами, которые служат ему источниками дополнительной информации, без которой для выполнения качественного перевода ему не обойтись. С другой стороны, дискурс-анализ – это совокупность исследований дискурсов, выполняемых лингвистами – специалистами по дискурсу. И тот, и другой подвиды дискурс-анализа являются предметом рассмотрения в данной статье, поскольку оба они связаны с качеством перевода самым непосредственным образом.

Для начала рассмотрим тот дискурс-анализ, субъектом которого является сам переводчик. В литературе по переводоведению в качестве основного объекта перевода принято рассматривать текст. Справедливо утверждается, что переводчик принимает некоторые решения только на основании понимания текста как целого. Поэтому студентам переводческих факультетов при обучении их будущей профессии настоятельно рекомендуется, прежде чем приступить к выработке стратегии и тактики перевода, прочитать текст целиком. Эта рекомендация в той или иной формулировке содержится во всех учебниках по теории перевода. Несмотря на всю ее обоснованность, она нередко расходится с переводческой практикой: тексты бывают столь велики, а сроки сдачи готового перевода столь сжаты, что переводчику просто физически не удастся прочитать целиком весь текст, прежде чем приступить к собственно переводу. Практикующие профессиональные переводчики признаются, что часто просматривают текст «по диагонали», выхватывая из него для внимательного прочтения лишь отдельные части. При этом они и сами понимают, что это далеко не лучшая стратегия, но вынуждены прибегать к подобным компромиссным шагам из-за цейтнота. Однако чего им никак не удастся избежать, если они хотят создать перевод хорошего качества, – это дискурс-анализа (хотя они его обычно так не именуют), то есть выхода за рамки переводимого текста и выяснения множества деталей и обстоятельств путем изучения других текстов.

Много страниц в книгах по теории перевода посвящается культурному фону оригинального текста, а также культуре, знаниям и ожиданиям получателя (адресата) будущего перевода,

их заметной роли в принятии корректных переводческих решений (Латышев, Семенов 2003; Сдобников, Петрова 2007; Есо 2001; Hönig 2011; Nord 2011; Prunč 2012). Однако авторы даже в этих рассуждениях не переходят к дискурсу, хотя, казалось бы, ясно, что в самом понятии «фон» уже коренится прагматическая пресуппозиция о наличии наряду с переводимым текстом чего-то большего, выходящего за рамки текста. По-видимому, в переводоведении ещё не проникла идея о том, что переводится в действительности не текст, а дискурс, то есть текст как элемент на пересечении множества континуумов других текстов, связанных с данным самыми разными связями. Это не значит, что теоретики перевода ошибаются, – напротив, они совершенно правы. И они имеют в виду именно дискурс, когда рассуждают о важности культурного фона, прагматики, фоновых знаний для интерпретации и корректного перевода текста. Но термином «дискурс» они не пользуются – хотя именно он дал бы им возможность оперировать некоторым обобщённым понятием, которое как раз вбирает в себя те параметры понимания и интерпретации текста, о которых они пишут.

То, что переводоведы все ещё оперируют термином «текст» и – чисто формально – не выходят за его границы, рассуждая об основном объекте перевода, – скорее, дань традиции, чем отражение их реальных взглядов. Причина разрыва между излагаемыми в переводоведении идеями и используемой в тех же произведениях терминологией состоит в том, что термин «дискурс» в роли обозначения предмета изучения, а вслед за ним и термин «дискурсивный анализ» появились в лингвистическом, культурологическом и литературоведческом дискурсе сравнительно недавно. Это произошло, с одной стороны, под влиянием взглядов французского философа Мишеля Фуко, с другой – благодаря назревшей необходимости от чисто языковых исследований перейти к анализу живой речи (узуса, прагматики). Иными словами – как это обычно и бывает – некоторая концепция (в данном случае – Фуко) оказалась востребованной на соответствующем витке развития гуманитарной науки. Поэтому, несмотря на то, что сам термин «дискурс» в значении ‘речь’ использовался в научной терминологии еще в 50-е годы прошлого века – например, языковедом Эмилем Бенвенистом, – популярность он приобрел лишь к концу XX – началу XXI века.

(Подробнее об истории термина «дискурс» см. Горбунова 2012). Этот термин удобен во многих отношениях: им можно называть совокупность текстов. От него удобно образовать прилагательное: *дискурсивный*. За прилагательным *текстовый*, в отличие от прилагательного *дискурсивный*, стоят два значения: «относящийся к одному тексту» и «относящийся ко многим текстам». При его употреблении двусмысленность часто не снимается, так что в итоге не всегда ясно, о чем же речь. Благодаря термину *дискурсивный* двусмысленность исчезает – разумеется, если под дискурсом понимать совокупность текстов, объединяемых по тому или иному критерию. Взгляд на перевод как на трансфер текста, осмысленного как элемент исходного дискурса, и на транслят как элемент принимающего дискурса, позволяет снять вечное противоречие между лингвистической и культурно-прагматической составляющими перевода.

Давно известно, что понять высказывание вне его узкого и / или широкого контекста невозможно. Так же невозможно понять текст вне дискурса. Как высказывание является элементом чего-то большего и только из перспективы этого большего может быть осмыслено, так и текст – если рассматривать его как совокупность высказываний – может быть полностью понят (осознан) из перспективы дискурса. Для того чтобы что-либо познать, нужно выйти за пределы познаваемого объекта. Любой текст – это элемент широкого текстового пространства, множества текстов. В то же время каждый текст – это элемент культуры, причем далеко не только национальной, но и общеевропейской или общеазиатской, либеральной или консервативной, православной или атеистической, культуры той или иной эпохи, того или иного поколения, той или иной философской школы и проч. Культуры выражают себя в первую очередь в текстах, хотя было бы неверно считать, что тексты – единственный медиум для их воплощения. Однако это очень заметный медиум, и именно те или иные элементы на пересечении всех этих культурно-текстовых потоков (дискурсов) переводчику и приходится обрабатывать, осмысливать, преобразовывать и превращать в конечный итог своей деятельности – транслят. Эти элементы и составляют массу объектов его внимания – тексты как дискурсы.

В понятие «дискурс» необходимо включать совокупность всевозможных знаний переводчика о том социальном,

историческом и культурном фоне, на котором возник оригинал. Фон, или контекст, – в самом широком смысле этого слова – вбирает в себя взгляды представителей субкультуры, к которой принадлежит автор (особенно если речь идёт о художественном или политическом тексте), степень влияния на автора других авторов или просто его друзей или врагов, а также иные биографические данные об авторе – например, где и когда он учился (это может быть важно для перевода художественной литературы, а также эссеистики и многих научных текстов). Далее, текстовый фон может вмещать в себя общественно значимые события, актуальные для понимания и толкования содержания текста, знания о тех или иных терминах и их употреблении, принятом в той или иной области культуры отправителя (автора оригинала), знания о привычках и традициях, о стереотипах, распространенных в релевантной для оригинала субкультуре, и многое другое. Знания эти обычно извлекаются из других текстов, посвященных аналогичной тематике, или из других текстов того же автора, его писем, дневников, мемуаров, или из других текстов его соратников или противников, а также из словарей, справочников, газет, журналов, энциклопедий и из многих иных письменных источников. Важны также знания, получаемые переводчиком из устных источников: телевидения, радио, личного общения с людьми – свидетелями, современниками, экспертами в том или ином участке релевантной для разработки переводческой стратегии культуры или просто ее носителями.

Дискурс можно понимать и широко. В этой – расширенной – трактовке его составляют не только тексты, но и язык тела, мимика, фотографии, театр, кино, реклама, возможно, также живопись, архитектура, музыка, балет, опера, научные открытия. Всё, что может служить источником сведений о культуре, в которой создавался текст, входит в широкое понятие «дискурс». Одним словом, дискурс – это совокупность широчайшего спектра источников знаний, необходимых для адекватной трактовки смысла и содержания текста. Без помощи дискурса обычно не удастся понять и перевести ни один текст, так как любой текст – это некий этап на шкале развития истории, в самом широком смысле слова «история», чего бы она ни касалась. В этом отношении любой текст интертекстуален: его пронизывают

другие тексты, воспоминания, символы, образы, люди, происшествия; он наполнен культурными знаками. Так, простейшую в аспекте лексики и синтаксиса короткую фразу в политической заметке газеты «DIE ZEIT» не перевести правильно без знания дискурса – например, без знания того, что речь идет о женщине: *Die SPD werde nicht «kleinmütig» in die Verhandlungen mit der Union gehen, fügte Nahles hinzu.* Глагол *fügte hinzu* нужно перевести формой женского рода: *добавила*. Необходимость употребить женский род диктуется только дискурсом, а именно знанием того, кто такая Налес.

Но знания исходного дискурса, конечно, для создания хорошего перевода мало. Другую часть знаний, влияющих на стратегию переводчика, составляют сведения о принимающей культуре. Так, если не знать, что в немецком дискурсе партию ХДС (Христианский Демократический Союз) в прессе принято именовать просто Union (Союз), а в русском это не принято, то приведенный выше пример можно перевести неправильно: **СДПГ не вступит в переговоры с Союзом «малодушно», добавила Налес.* Вместо слова *Союз* в корректном русском переводе нужно употребить такое название соответствующей партии, которое принято в российском политическом дискурсе, а именно ХДС. Ну и, наконец, необходимо понять, что стоит за словом *kleinmütig*, потому что наречие *малодушно* для перевода не годится: во-первых, его употребление в приведенном здесь гипотетическом переводе противоречит стилистической норме русского языка, а во-вторых, даже если бы оно ей не противоречило, оно бы не отражало смысла фразы Налес. Андреа Налес, в настоящее время являющаяся генеральным секретарем СДПГ, имеет в виду не моральную категорию малодушия, а тот комплекс требований со стороны СДПГ, которые не подлежат пересмотру и не должны быть отброшены в результате каких бы то ни было компромиссных соглашений с ХДС ради образования правительственной коалиции. Иными словами, корректным переводом был бы, скажем, такой вариант: *СДПГ не сдаст своих позиций в переговорах с ХДС, добавила Налес.* Понимание этого «глубинного» смысла, стоящего за наречием *kleinmütig*, приходит из внимательного прочтения данного конкретного текста, однако и здесь помогает дискурс: знание того, на каких позициях стоит СДПГ по тем или иным вопросам, в чем суть политических

расхождений между двумя партиями, о какой коалиции в настоящее время идет речь. Эти знания авторами политических текстов подразумеваются, но даже немецкий читатель, абсолютно далекий от политики, может не понять соответствующего содержания, если не будет знать широкого контекста, то есть, дискурса. Авторы исходят из того, что читатели обладают широкими фоновыми знаниями, позволяющими им разгадывать скрытые смыслы, не прямо выраженные или неоткомментированные участки текстов. Но нередко предположения авторов не оправдываются; их тексты «бьют мимо цели». Так, опыт показывает, что многие молодые люди в России статьи в СМИ, написанные людьми старшего поколения, не понимают или понимают лишь отчасти: им чужда используемая лексика, они не видят намёков, не знают многих исторических реалий. И наоборот, старшее поколение нередко не понимает и / или не принимает языковые средства, которыми пользуется молодое поколение. Так что знания дискурса как условие понимания – далеко не только переводческая проблема.

Чаще всего текст можно понять, если выйти из него в двух направлениях – в направлении дискурса оригинала и в направлении дискурса принимающей культуры. Вот, казалось бы, простой пассаж в экономическом тексте в газете «HANDELSBLATT»: *Laut Studie ist das Risiko in Bremen, Leipzig und Mönchengladbach etwa ähnlich hoch wie in Frankfurt. Doch während in der Mainmetropole Renditen von lediglich 5,8 Prozent erreichbar sind, sind in Bremen 7,4 Prozent, in Leipzig 7,7 Prozent und in Mönchengladbach sogar 8,1 Prozent möglich*¹. Слово *метрополия* есть и в русском, и в немецком языке. И двуязычные словари предлагают переводить слово *Metropole* либо как *метрополия*, либо как *столица*. Но в этом разделе текста речь идет вовсе не о столице Германии. И переводчику необходимо знать, что в немецком политическом и экономическом дискурсе словом *Metropole* называют просто очень крупный город. Чаще всего это существительное обозначает как раз Франкфурт; такова традиция. А слово *метрополия* в российском дискурсе обычно обозначает не

¹ См.: <http://www.handelsblatt.com/finanzen/immobilien/ratgeber-hintergrund/immobilien-wo-immobilienkaeuffer-die-hoechste-rendite-erwartet/9158698-2.html>. Дата актуальности: 08.02.2014.

большой город, а страну. И только зная все это, переводчик корректно переведет существительное *Mainmetropole* как *Франкфурт*, а не как **метрополия на Майне*.

Один и тот же текст можно понимать и трактовать по-разному в зависимости от эпохи, в которую он воспринимается, от собственной субкультуры, а также от многих чисто индивидуальных качеств. В тридцатые годы прошлого века тексты теоретиков нацизма частью населения Германии приветствовались, а другой частью населения той же страны полностью отвергались. Одни восторгались, другие содрогались – от одних и тех же статей, памфлетов и книг. Сегодня те же тексты большинством людей прочитываются как исторические документы чудовищной эпохи. Однако и сегодня есть сторонники нацизма и расовых теорий, и для них те же тексты являются теоретической основой их взглядов и руководством к действию. Когда кто-либо из сегодняшних молодых людей читает критические рецензии сталинской эпохи на научные труды того или иного ученого, то он, вероятно, рассматривает соответствующие тексты как критику и не видит в них иной подоплеки. При жизни Сталина, однако, те же критические рецензии воспринимались как политические доносы (каковыми они и являлись) и как реальная угроза не только для карьеры того, кто подвергнулся критике, но и непосредственно для его жизни. Причем здесь даже нужно различать годы: то, что в 1947 году воспринималось как донос, в 1949 уже прочитывалось как приговор. Сегодня многие люди, которые хорошо знают ту эпоху, тоже понимают эти тексты аналогичным образом, но мера опасности, исходящая от этих политических доносов-приговоров под видом критики, уже, конечно, совсем иная: она воспринимается лишь в исторической перспективе. Эмоциональное потрясение, которое они способны нынче вызвать у потомков, зависит от многих чисто индивидуальных факторов: темперамента реципиента, его личного опыта, знакомства с историей, следов сталинской эпохи в его собственной семье, индивидуальных взглядов и убеждений и личной эмпатии. Интервью режиссера Владимира Бортко газете «АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ», опубликованное под рубрикой «ФАКТЫ ИСТОРИИ», прославляющее деяния «великого вождя народов» Сталина, якобы оболганного историками и потомками, и

вопиющее о восстановлении исторической справедливости, будет прочтено одними с сочувствием и пониманием, другими с отвращением и гадливостью, третьими с возмущением и негодованием¹. Единообразием не отличается и реакция на юмор, сатиру: слушая или читая один и тот же текст, одни смеются до слез, другие морщатся или скучают. Анекдоты и шутки советского времени современная молодежь отчасти уже не воспринимает. Так, шутка о профессоре, который спрашивает студента на экзамене по истории, кто такие Спартак, Маркс, Энгельс, Ленин, получает на всё один и тот же ответ «Не знаю» и в конце, выяснив, что студент приехал из деревни Пентошино (в другой версии – из Урюпинска), мечтательно говорит сам себе, глядя в окно: «Эх, бросить бы всё сейчас и уехать в Пентошино!» – нынешними людьми восемнадцати – двадцати пяти лет по понятным причинам вовсе не будет осознаваться как остро злободневная, и ее юмористический накал в их восприятии заметно поблекнет. А люди, которые смеялись, слушая этот анекдот в начале восьмидесятых годов прошлого века, сегодня, слушая или читая тот же текст, улыбаются скорее своим воспоминаниям, чем собственно шутке.

Справедливости ради нужно отметить, что понимание смысла не всегда непосредственно сказывается на переводе. Например, один человек понял стихотворение Блока «СКИФЫ» как воображаемый монолог скифов, обращенный к племенам, заселявшим в то далекое время Западную Европу, – то есть в чисто историческом ключе, а другой – как своеобразную программу евразийства (которое тогда еще не носило этого названия), как политический памфлет, в котором фиксируются взгляды автора на отношение России к Западной Европе и к Азии. Вторая трактовка опирается на знание дискурса – биографии Блока, исторических событий, связанных с написанием «СКИФОВ», знанием философской, политической и эстетической системы взглядов поэта. Независимо от этого понимания, оба реципиента, буде они талантливыми переводчиками, перевели бы стихотворение Блока, вероятно, вне зависимости от собственной трактовки смысла.

¹ См.: http://www.vedomosti.md/news/Vladimir_Bortko_Stalin_Samaya_Obolgannaya_Lichnost_Hh_Veka. Дата актуальности: 05.02.2014.

Разбирая предложение *Он проплыл 100 метров кролем за 45 секунд*, культуролог В. В. Глебкин замечает: «Понимание этого предложения будет принципиально разным для человека, который умеет плавать или неоднократно видел, как плавают другие (в частности, стилем “кроль”), и человека, который усвоил значение слова “плавать” (подходящее значение из словаря Ожегова: “Передвигаться по поверхности воды или в воде”) и “кроль” (“стиль спортивного плавания, при котором руки поочередно выбрасываются над водой”), но сам никогда не плавал и не видел, как это делают другие <...>. Этот пример показывает, что условием одинакового понимания конкретного предложения выступает не одинаковый языковой опыт, не знание конкретных словарных значений, а общая социальная практика, и вне нее словарные статьи оказываются бессильными» (Глебкин 2012: 45). Однако и здесь – независимо от степени проникновения переводчиком в суть предмета (в данном случае – плаванье кролем), перевод будет, по всей вероятности, одинаков. Тем не менее, в теории о переводе накоплено достаточно примеров, когда то или иное понимание смысла влечет за собой и тот или иной перевод. Переводчикам-практикам также известно, что неверно понятый участок текста – это почти всегда и неверный перевод. Именно поэтому так важно добиваться полного прояснения «тёмных» или не вполне ясных мест текста через обращение к дискурсу.

У лексем даже на уровне словарей есть те или иные коннотации – сопровождающие денотативное значение семы, связанные с приятными или неприятными ассоциациями. В толковых и двуязычных словарях коннотации обычно помечаются скупым комментарием *неодобр.*, *презр.*, *простореч.* и другими. Лексические коннотации рождаются, как правило, из употребления лексем в текстах – не только письменных, но и устных. В результате употреблений в определенном дискурсе значения лексем меняются. Хорошо известна, например, история слов *товарищ* и его немецкого эквивалента *Genosse*. Из-за того, что эти слова стали активно употребляться коммунистами и социалистами в функции обращения, их первоначальные значения изменились. Сегодня за словом *Genosse* в немецком дискурсе закрепилось только значение чисто политическое, а русское существительное *товарищ* употребляется в трёх

значениях: оно в некоторых текстах означает все еще «друг» (обычно в сочетании с притяжательным местоимением), в других – «коммунист» или «комсомолец» (отчасти в историческом контексте, хотя и сейчас коммунисты так друг друга именуют); третье его значение сугубо терминологическое (в официальном контексте это слово обозначает должность; например, *товарищ прокурора*). Если лексема устойчиво используется в пейоративных контекстах, то семы «неодобрение», «осуждение», «презрение» постепенно за ней закрепляются и начинают фиксироваться словарями. Иногда достаточно даже одного употребления – если лексема прозвучала, например, в речи известной, популярной личности или в фильме, вызвавшем широкий резонанс. Такова лексема *Kopftuchmädchen*, изобретенная и употребленная Тило Сарацином в интервью журналу «LETTRE INTERNATIONALE» в пейоративном контексте и немедленно попавшая в DUDEN со стилиевой пометой «*meist abwertend*» («обычно пейоративно»), хотя в самом композите ничто на уничижительно-презрительные коннотации прямо не указывает: это просто «девушка / девочка в платке». Но существуют и стилистически нейтральные лексемы на уровне толковых словарей, которые, однако, в определённом дискурсе приобретают какие-то дополнительные коннотации или даже особые значения. Для того, чтобы эти значения распознавать, необходимо знать дискурс и понимать, какое содержание вкладывалось его авторами в ту или иную лексему. В современном российском дискурсе слово *либерал* для одной группы населения имеет положительные коннотации, для другой – отрицательные. Если этого не знать, то перевод соответствующих текстов может оказаться формально правильным, но в плане культурного фона неверным. Подобные ключевые слова того или иного дискурса, отличающиеся своей семантикой от общепринятой и фиксируемой в лексикографии, стоит комментировать или даже в некоторых случаях придумывать для них переводы, отличные от их формально-словарных эквивалентов.

На парижском Пантеоне золотыми буквами выведено: *Aux grands hommes, la patrie reconnaissante*. По-немецки: *Den großen Männern, das dankbare Vaterland*. В русских путеводителях эта надпись переводится как *Великим людям благодарная отчизна*. Слово *людям* снимет сему «мужской пол». А эта сема важна: в

Пантеоне не хоронили женщин (исключения составляют две женщины: Мария Кюри и жена одного из великих мужчин, который распорядился, чтобы жену похоронили с ним рядом). Сейчас Францию всколыхнула именно проблема дефицита женских захоронений: президент Франции решил восстановить историческую справедливость и перезахоронить в Пантеоне ещё по крайней мере одну знаменитую дочь отечества. Развернулась дискуссия о том, кто достоин такой участи. Русский вариант надписи на Пантеоне должен быть точен: *Великим мужам от благодарного отечества*. Только в этом случае будет понятна современная проблематика и задача, решить которую пытаются нынче французы во главе с президентом.

То, что принято именовать «языковой компетенцией», то есть уверенное владение языками, тоже тесно связано с дискурсом – через понимание, какая лексема в каких контекстах употребляется. Так, в приведенном выше примере перевод надписи на Пантеоне требует употребить слово *мужи* – только эта форма множественного числа указывает на то, что речь не о просто о мужчинах, а именно о заслуженных деятелях, героях мужского пола. Это знание возникает не из немецко-русских словарей (в двуязычных словарях такого рода сведений не найти), а благодаря чтению литературы. Стилистические особенности лексем, богатство коннотаций, исторически обусловленные сдвиги в коннотативных полях – все это переводчик нарабатывает в первую очередь чтением огромного числа самых разных текстов.

Если не знать политического и социального дискурса современной России, то легко сделать ошибку, например, при переводе Введения к книге Эриха Прунча «ENTWICKLUNGSLINIEN DER TRANSLATIONSWISSENSCHAFT» (Erich Prunč 2012). Здесь Прунч просит женскую часть читательской аудитории извинить его за то, что в основном тексте книги для простоты и из соображений экономии места и времени будет пользоваться только формами мужского рода так, как если бы он был «общим». Этот пассаж переводить на русский совершенно не нужно: для русских читателей он не актуален, так как «феминистская лингвистика» русской аудитории либо не знакома вовсе, либо знакома лишь как элемент чужой национальной культуры. Перевод этого пассажа, занимающего в книге неполных 8 строк, был бы ошибкой: это место в трансляте следовало бы полностью выпустить.

Итак, интертекстуальность в широком смысле этого слова – влияние дискурса на понимание и, как следствие, на переводческие решения. В лингвистике текста используется и другое толкование понятия «интертекстуальность». Этим термином в более узком и более привычном смысле принято называть цитирование других текстов, прямое или скрытое. Его без знаний дискурса тоже не опознать. Скрытые цитаты и намеки представляют собой для переводчика довольно опасные подводные камни: он не может знать всего на свете и не в состоянии иногда распознать такого рода завуалированные смыслы, особенно если язык, с которого он переводит, не его родной и культура, в которой возник текст, не его собственная. Например, русскоязычный переводчик получил заказ перевести большую статью в журнале «STERN», посвященную богатству и роскоши, в которой утопает католическая церковь¹. В статье, в частности, есть такой пассаж: *Fast im Stundenakt legten die Kirchenherren vergangene Woche Zahlen zu ihren Vermögensverhältnissen vor. Insbesondere zum Besitz der Bischöflichen Stühle, in denen seit Jahrhunderten Vermögen gebunkert wurde. Aus einer solchen Quelle speiste sich die Schöner-Wohnen-Mission des Limburgers Tebartz-van Elst.* Этот пассаж правильно не перевести, если не знать, что выражение *Schöner Wohnen* – это намек на популярный одноименный немецкий журнал и в то же время на меткое и ядовитое прозвище, которое лимбургский епископ снискал в интернет-блогах немедленно после того, как стало известно, на какие деньги он строит себе в Лимбурге резиденцию и сколько она будет стоить. Но как не знающему данных реалий переводчику их опознать? Намек на популярный журнал в тексте так хорошо «упрятан», что вероятность ошибки при переводе на русский весьма высока.

Таким образом, переводческая стратегия опирается на знание как минимум двух дискурсов и двух культур (но в идеале, конечно, большего их количества, так как в текстах часто идет речь и о третьих странах и культурах). Учитывать культурный фон приходится двояким образом: на стратегию переводчика влияют решения, продиктованные культурным фоном как отправителя, так и получателя. Именно дискурсы двух и более культур

¹ См.: Die letzten Fürsten. STERN, № 44, 2013. S. 38–44.

«вливаются» в процесс перевода – несмотря на то, что, на первый взгляд, мы переводим только текст. Соотношение переводимого текста с дискурсом можно проиллюстрировать метафорическим сравнением. Предположим, гидролог изучает свойства воды озера Байкал. Но тем самым он изучает и свойства воды тех рек, которые в Байкал вливаются. Без учета вод этих рек свойства воды в Байкале не изучить и правильных выводов о ней не сделать. С переводом аналогично: отдельность, самостоятельность и замкнутость текста как объекта перевода лишь кажущаяся.

Интертекстуальность текстов может быть разной: один текст удастся понять при небольшом объеме знаний о внешней по отношению к нему реальности, другой требует широкого притока информации из источников, лежащих вне данного текста. Но в целом можно утверждать, что без выхода в дискурс, то есть, без дискурс-анализа со стороны переводчика, ни один текст перевести не удастся. Это было известно во все времена всем переводчикам (иначе им не удавалось бы успешно заниматься своим ремеслом) и всем переводоведам (которые чаще всего являются и практикующими переводчиками). Литературоведы никогда ничем иным и не занимались, кроме исследования дискурсов. Просто этот анализ в прошлом не принято было именовать дискурсивным. Так что переводоведам остается только четко сформулировать (вербализовать) то, что было известно и практиковалось издревле. В перспективе переводоведению без данных лингвистического дискурс-анализа будет не обойтись.

Тем самым мы переходим к дискурс-анализу, который осуществляется не переводчиками для практической работы над конкретными текстами, а лингвистами в рамках решения их теоретических задач. Связь части этих задач и их решений с переводческой практикой исключительно тесная. Для того чтобы ее осветить, необходимо сказать хотя бы два слова о состоянии дискурс-анализа сегодня.

Направление в лингвистике под названием «дискурс-анализ» сложилось совсем недавно. При этом параллельно и почти одновременно возникло несколько школ. Большой частью дискурс-анализ представлен так называемой «политической лингвистикой» и занимается изучением политического дискурса. Возможно, эта традиция возникла из-за того, что Мишель Фуко

(Фуко 1996), а вслед за ним Т. ван Дейк (ван Дейк 2013), З. Егер (Jäger 2009) и многие другие теоретики и основатели европейских школ так называемого «критического дискурс-анализа», настаивают на том, чтобы непременно включать в понятие «дискурс» борьбу за влияние, за власть, состязание в силе воздействия на реципиента. Такая трактовка заметно сужает понятие «дискурс». Несмотря на то, что она принята далеко не во всех школах этого направления (Bluhm: [http](http://)), влияние идей Фуко привело к тому, что дискурс-анализ сосредоточил свой интерес в первую очередь на политических текстах и политически окрашенных темах (борьба за власть, расизм, угнетение социальных меньшинств и проч.).

Новизна поворота к дискурсивному анализу заметна в первую очередь по тому, что таковой всё ещё не имеет чётко очерченной методологии, хотя уже появились первые работы, старающиеся восполнить этот пробел (Bluhm: [http](http://)). Однако в некоторых отношениях дискурсивный анализ в лингвистической науке в целом пока мало заметен. Из-за того, что дискурс-анализ сконцентрировался на политической тематике, он практически не дал пока плодов для описания словарных значений. За последние пятнадцать – двадцать лет появилось, кажется, ни одного словаря, в котором были бы представлены результаты изучения дискурсивной семантики. Использование лексем в различных значениях, коррелирующих с тем или иным дискурсом, – это важный шаг в деле обогащения толковых словарей историей развития лексических значений.

Переводчику необходимо знать значения тех или иных слов в различных дискурсах. Известно, что некоторые – особенно так называемые «ключевые слова» тех или иных субкультур (наиболее частотные и / или идеологически нагруженные лексемы) – часто употребляются и употреблялись в тех или иных дискурсах в значениях, отличающихся от их общесловарных толкований. Так, даже в современном Большом академическом словаре русского языка, начавшего издаваться в 2004-м году, прилагательное *буржуазный* толкуется как «относящийся к буржуазии» или «свойственный буржуазии». Однако в советском официальном дискурсе это прилагательное употреблялось как бранное, оскорбительное. *Буржуазными* именовались идеи, привычки, воззрения, либо действительно отклонявшиеся от

официальной идеологии, либо (значительно чаще) объявлявшиеся не соответствующими этой идеологии – из идеологических же соображений. Примечательно, что отрицательную семантику это слово сохраняет и сегодня, в постсоветскую эпоху, поэтому нейтральное, а в иных контекстах даже положительное по коннотациям немецкое прилагательное *bürgerlich* русским прилагательным *буржуазный* чаще всего перевести не удастся. Интересно, что в некоторых словах такая семантика «исторической памяти» сохраняется, а в других со сменой эпохи и дискурса исчезает. Стилистически нейтрально описывается в толковых словарях и слово *космополит*, в то время как начиная со второй половины сороковых годов прошлого века это слово в советском дискурсе приобретает зловещее политическое значение. Сегодня это значение вновь не актуально, но для перевода текстов советской эпохи оно, возможно, исключительно важно. Прилагательное *красный* для нынешней молодежи не несет в себе дополнительных идеологических коннотаций, и сочетание слов *Красный треугольник* означает для людей, родившихся в самом конце существования советской власти или уже после её краха, «треугольник красного цвета», в то время как для бывших советских граждан это словосочетание в первую очередь ассоциируется с названием фабрики или завода. Существительное *Freigeist* употреблялось в дискурсе немецких романтиков XIX века не просто в значении «вольнодумец», как оно толкуется в словаре DUDEN, а как обозначение гордого человека-одиночки, бесстрашно противостоящего не понимающему и не принимающему его миру филистеров, обывателей, людей без полёта мысли, рабов своих привычек и мелких каждодневных бытовых забот. В немецких толковых словарях переводчик должен иметь возможность отыскивать справки подобного рода. Он также имеет право ожидать, что отыщет в русском толковом словаре по поводу слова *сионист* комментарий: «для сокрытия государственного антисемитизма в брежневскую эпоху этим словом в официальном дискурсе принято было именовать евреев, пожелавших уехать на историческую родину». А по поводу слова *трудящийся* там могло бы стоять: «это слово столь активно употреблялось в идеологическом советском дискурсе, что в постсоветский период практически вышло из употребления». Но никакой информации

подобного типа в традиционных словарях нет, и для составления словарей такого типа требуются результаты дискурс-анализа.

Подобные «ключевые слова» тех или иных дискурсов должны описываться в этих специфических, характерных только для данных дискурсов значениях, в специальных словарях или полных толковых словарях нового типа, построенных на основании дискурс-анализа. Это входит в задачи лингвистов и лексикографов. Такие словари должны появиться как результат ширящегося интереса к дискурс-анализу. Для переводчиков они были бы неоценимой помощью и немало способствовали бы повышению качества переводов. В создании подобного рода лексикографических справочников дискурсивный анализ может и должен сыграть важную роль. Для этого ему требуется методология обнаружения «ключевых слов» той или иной субкультуры и способы их описания, а также обеспечение тесной связи с лексикографией. Наиболее верный путь к обеспечению такой связи – совместные проекты дискурс-аналитиков и составителей словарей. Но пока таких словарей нет, переводчику приходится производить такого рода дискурсивный анализ самостоятельно и в основном чисто интуитивно.

Другая прикладная задача для профессионального лингвистического дискурс-анализа, релевантная для перевода, состоит в том, чтобы снабжать слова, коллокации и фразеологизмы сведениями об их истории. Когда возникли? Где, в каких дискурсах, в какую эпоху, кем особенно активно употреблялись? Переводчик должен хотя бы примерно представлять себе, когда какое слово появилось или, наоборот, исчезло – как в языке оригинала, так и в языке перевода, – и в каких дискурсах оно особенно широко употреблялось (или употребляется). В противном случае довольно легко попасть в ловушку анахронизмов. Вот лишь один пример. В романе «История о тысяча второй ночи» (Joseph Roth: DIE GESCHICHTE VON DER 1002. NACHT) герой (барон) вспоминает, что не так давно читал где-то выразительное слово *schicksalsschwer*: *Es war offenbar ein ereignisreicher Tag, das Wort schicksalsschwer, das er einmal irgendwo gelesen hatte, kam dem Baron in den Sinn*. Точный эквивалент этого слова в современном русском языке – прилагательное *судьбоносный*. Однако у Рота действие романа разворачивается до Первой мировой войны, а слово

судьбоносный – порождение второй половины двадцатого века. Несмотря на то, что это прилагательное имеется в «книжном» языке уже в 30-е годы XX века (если судить по примерам из Национального корпуса русского языка), оно в то время, видимо, не прижилось и было надолго забыто, о чем свидетельствует его отсутствие в Большом 17-томном академическом словаре русского языка 1948-1965 г.г. Но в постсоветском дискурсе оно вновь всплывает и укрепляет свои позиции в публицистике. В Большом толковом словаре под ред. С. А. Кузнецова 2009 года оно уже зафиксировано. Это слово допустимо было бы использовать, возможно, в другом контексте, даже в переводе того же романа. Но в данном отрывке оно неуместно, поскольку герой «недавно» (иными словами, в самом начале XX века) прочитал это заинтересовавшее его и запомнившееся ему слово (точнее, его немецкий эквивалент) – в те времена, когда русского ещё не существовало. В такой специфической ситуации эквивалентный перевод отпадает: он был бы анахронизмом.

Наконец, еще одна важная область дискурс-анализа, релевантная для перевода, – исследования расхождения в семантике между синонимами, которые в бытовой речи обычно не различаются и заменяют друг друга. Так, в обиходном языке синонимические пары *смысл* и *значение*, *концепт* и *понятие*, *рассудок* и *разум*, *трудность* и *проблема* и многие другие употребляются обычно как полные синонимы, а в специальных текстах они превращаются в термины, которые могут обнаруживать столь заметные семантические расхождения, что даже будут друг другу противопоставляться. При этом члены подобных квазисинонимических пар, возможно, расходятся не во всех специальных текстах определенной области знаний, а только в некоторых. Скажем, в текстах по философии *рассудок* и *разум* иногда синонимы, а иногда антонимы. Существительные *концепт* и *понятие* для одних лингвистов обозначают одно и то же, в то время как для других за этими терминами стоят принципиально разные сущности. Порой даже в разных работах одного автора термины такого рода употребляются как взаимозаменяющие или как заметно расходящиеся по семантике – в зависимости от темы и цели исследования. Переводчику чрезвычайно важно бывает узнать, в каких в принципе значениях могут употребляться

схожие по своим семантическим и синтаксическим связям и набору сем термины в дискурсах разного типа.

Выяснение такого рода деталей требует больших временных затрат. У практикующего переводчика на обеспечение себя релевантной информацией обычно нет времени. Он должен иметь возможность получить эти сведения из соответствующего лексикографического источника. Но таких источников пока нет. Активный словарь русского языка под ред. Ю. Д. Апресяна, первые тома которого подготовлены к печати Московским сектором теоретической семантики Института русского языка, также не содержит информации описанных здесь типов (Перспект... 2010).

При этом исследования, посвященные значениям тех или иных лексем в специфических дискурсах, уже начинают появляться (Lüdke 2015). Публикуются и методологические концепции по обнаружению и описанию «ключевых слов» дискурсов (Baker 2010; Baker, Ellese 2011). Однако на пути прорыва дискурс-анализа в лексикографию стоят, с одной стороны, понимание дискурса только в узко политическом смысле в западноевропейской традиции и, с другой, трактовка «ключевых слов» как «концептов национальной культуры» в современной российской, объявившей язык «зеркалом национальной культуры». Иными словами, в Западной Европе под влиянием Фуко представления о дискурсе сводятся только к некоторым текстовым потокам, объединяемым идеей борьбы за власть, а в российской лингвокультурологии, претендующей на проведение дискурсивного анализа, традиции представления о культуре сводятся только к одной-единственной – национальной, причем для лингвокультурологов этот объект неизменен во времени и в пространстве. И то, и другое сужение объекта изучения препятствует исследованиям ключевых слов дискурсов – конкретных, ограниченных временными рамками, вовсе не обязательно национально-связанных, но всегда обусловленных той или иной реально существующей или существовавшей (суб)культурой.

Переводчикам остается уповать на появление словарей, основанных на дискурс-анализе, если не в ближайшем, то хотя бы в обозримом будущем. Потребности в переводе возросли в мировом масштабе в последние двадцать лет неимоверно (как теперь принято говорить, «в разы» – выражение, которое для

переводов текстов даже конца прошлого столетия было бы неуместно). Причины ясны: глобализация мировой экономики, постоянные перемещения больших масс людей по семейным обстоятельствам, по причинам получения работы или места в университете, эмиграция, командировки, зарубежные туристические поездки, тесные научные, экономические, политические и личные связи в обход всех государственных границ и языковых барьеров. Переводить требуется огромный поток самых разных текстов – рекламу, путеводители для туристов, техническую документацию, деловую переписку, научные статьи, аннотации, рецензии и проч. Качество переводимых текстов в основном ниже среднего; примерно на 100 переведенных текстов 50 либо содержат прямые ошибки, либо обнаруживают плохой стиль, не соответствующий узальному употреблению языковых единиц. Много ошибок чисто содержательных (денотативных), но еще больше прагматических и культурнофоновых. Плохие переводы оказываются мишенью для отгачивания остроумия бесчисленных критиков. Интернет-СМИ, а также блоги и форумы пестрят критическими замечаниями и целыми статьями, посвященными плохим переводам. В основном эти заметки носят глумливый, саркастический или трагедийный характер. Однако критиковать легко, а вот создать для переводчиков нормальные условия для повышения качества их работы значительно сложнее. Ведь обилие ошибок в первую очередь свидетельствует о том, что переводчикам явно не хватает справочной литературы – несмотря на наличие Интернета, текстовых корпусов, Википедии. Один из важнейших типов справочников, в которых переводчики остро нуждаются, описан в этой статье: это толковые одноязычные словари, которые содержали бы информацию о происхождении, развитии, употреблении лексем, а также о специфических «дискурсивных» значениях «ключевых слов» различных дискурсов. И без профессионального дискурс-анализа, служащего целям лексикографии, здесь не обойтись.

ЛИТЕРАТУРА

Ван Дейк, Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – Москва: Книжный дом «Либроком», 2013.

Глебкин В. В. Лексическая семантика: культурно-исторический подход. – Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2012.

Горбунова М. В. К истории возникновения термина «дискурс» в лингвистической науке // Известия ПГПУ. – 2012. – № 27. – С. 244–247.

Латышев, Л. К. Перевод: теория, практика и методика преподавания / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. – Москва: Академия, 2003.

Перспектив активнаго словаря русскаго языка. – Москва: Языки славянских культур, 2010.

Сдобников В. В. Теория перевода / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – Москва: АСТ: Восток–Запад, 2007.

Baker, P. *Sociolinguistics and Corpus Linguistics*. – Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2010.

Baker, P. *Key Terms in Discourse Analysis* / P. Baker, S. Ellece. – London: Continuum, 2011.

Bluhm, C. *Linguistische Diskursanalyse: Überblick, Probleme, Perspektiven* / C. Bluhm, D. Deissler, J. Scharloth, A. Stukenbrock. – Retrieved from http://www.scharloth.com/publikationen/scharloth_diskursanalyse.pdf 29.12.2013.

Eco, U. *Experiences in Translation* / Translated by Alistair McEwan. – Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2001.

Hönig, H. G. *Übersetzen lernt man nicht durch Übersetzen*. Berlin: SAXA, 2011.

Jäger, S. *Kritische Diskursanalyse: Eine Einführung*. – 5. erw. Aufl. – Unrast Verlag, 2009.

Lüdke, E. *Die Sprache der Versammlungsprotokolle und -beschlüsse der Altgläubigen (am Beispiel des Konzepts *sobor*)*. – Dissertation zur Erlangung des akad. Grades Doktor der Philosophie. – Heidelberg, 2015. (Im Druck).

Nord, C. *Theorie, Methode und Didaktik des funktionalen Übersetzens*. – Berlin: Frank & Timme, 2011.

Prunč, E. *Entwicklungslinien der Translationswissenschaft. Von der Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht*. – Berlin: Frank & Timme, 2012.

REFERENCES

Baker, P. (2010). *Sociolinguistics and Corpus Linguistics*. Edinburgh Univ. Press.

Baker, P., Ellece, S. (2011). *Key Terms in Discourse Analysis*. London: Continuum.

Bluhm, C. u. a. *Linguistische Diskursanalyse: Überblick, Probleme, Perspektiven*. Retrieved from http://www.scharloth.com/publikationen/scharloth_diskursanalyse.pdf 29.12.2013.

Eco, U. (2001). *Experiences in Translation*. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press.

Glebkin, V.V. (2012). *Leksicheskaĭa semantika: kul'turno-istoričeskij podkhod* [Lexical Semantics: Cultural and Historical Approach]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Gorbunova, M.V. (2012). K istorii voznikovenija termina "diskurs" v lingvističeskoi nauke [On the History of the Term 'Discourse' in Linguistics]. In *Izvestija PGPU*. No.27. Pp.244-247.

Hönig, H. G. (2011). *Übersetzen lernt man nicht durch Übersetzen*. Berlin: SAXA.

Jäger, S. (2009). *Kritische Diskursanalyse: Eine Einführung*. 5. erw. Aufl. Unrast Verlag.

Latyshev, L.K., Semenov A.L. (2003). *Perevod: teorija, praktika i metodika prepodavanija* [Translation: Theory, Practice and Methods of Teaching]. Moscow: Akademiya.

Lüdke, E. (2015). *Die Sprache der Versammlungsprotokolle und -beschlüsse der Altgläubigen (am Beispiel des Konzepts sobor)*. Dissertation zur Erlangung des akad. Grades Doktor der Philosophie. Heidelberg, 2015. (Im Druck).

Nord, C. (2011). *Theorie, Methode und Didaktik des funktionalen Übersetzens*. Berlin: Frank & Timme.

Prospect aktivnogo slovarja russkogo jazyka [Prospectus of an Active Dictionary of Russian] (2010). Moscow: Jazyki slavjanskikh kul'tur.

Prunč, E. (2012). *Entwicklungslinien der Translationswissenschaft. Von der Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht*. Berlin: Frank & Timme.

Sdobnikov, V.V., Petrova O.V. (2007). *Teorija perevoda* [Theory of Translation]. Moscow: AST: Vostok-Zapad.

van Dijk, T.A. (2013). *Diskurs i vlast': Reprerzentatsija dominirovanija v jazyke I kommunikatsii* [Discourse and Power]. Moscow: Knizhnyj dom "Librikom".

Анна Владимировна Павлова,
Майнцский университет
им. Иоганна Гутенберга,
Гермерсхайм, Германия
anna.pavlova@gmx.de
phone: +49-7274 / 508-35363

Anna V. Pavlova,
Johannes Gutenberg-Universität Mainz,
Fachbereich Translations-, Sprach- und
Kulturwissenschaft, Arbeitsbereich Russisch
Postfach 1150, An der Hochschule 2,
76711 Germansheim, Germany